

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. XVIII

ГЕОГРАФИЯ. ЭТНОГРАФИЯ. ИСТОРИЯ
ПАМЯТИ А. В. КОРОЛЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы:
Москва 1976

В. А. Пуляркин

ХОЗЯЙСТВО КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОЙ АЗИИ
(географический очерк)

Краткая общая характеристика кочевников региона. В пределах Южной Азии кочевое хозяйство распространено преимущественно в засушливых северо-западных областях, включая их горное обрамление. На протяжении многовековой истории субконтинента скотоводческие племена неоднократно вторгались на его территорию, волна за волной накатываясь из внутренних районов Азиатского материка. По мере движения в сторону долины Ганга они как бы растворялись среди огромной массы земледельческого населения.

Подобная картина наблюдалась еще на заре цивилизации. Уже нашествие скотоводов-ариев и процесс арианизации, окончание которого датируется для севера субконтинента серединой I тысячелетия до н. э., завершились синтезом хозяйственно-культурных традиций. Причем доиндоевропейское земледельческое население сыграло важную роль в формировании древних индоарийских народностей отнюдь не только благодаря своей численности, но и потому, что оно определило производственный базис сложившихся народностей, а именно оседлое земледелие.

И в более поздние времена кочевники-степняки много раз организовывали развернутое наступление из Внутренней Азии на юг. Но государства, которые они там основывали, вскоре почти сливались с побежденным, теряли связь со степью, откуда вышли кочевники [4, 26—27]. Завоевание земледельческих оазисов способствовало ускоренному разложению родо-племенных отношений у кочевых народностей и вело к неуклонному росту элементов феодализма. Рядовые кочевники оседали на землю, смешивались с коренным земледельческим населением и лишались былой самостоятельности. Родовая знать превращалась в господствующую прослойку правящего класса в тех государствах, которые возникали в ходе победоносных походов [2, 53, 80].

Поэтому, несмотря на частый приток «свежих сил», кочевому хозяйству в Южной Азии редко удавалось существенно расширить сферу своей пространственной локализации. Тесная зависимость от природной среды усложняла, даже при самых успешных вторжениях, проникновение кочевников в глубь более влажных районов субконтинента. Линия, проходящая приблизительно от Матхуры по Джамуне выше Агры и вдоль гор Аравали к Камбейскому заливу (т. е. линия, сравнительно близко совпадающая с изогией 500 мм), стала важным разделительным рубежом, который ограничивал с юга зону, открытую культурным и политическим влияниям из Центральной и Юго-Западной Азии [9, 166], носителями которых выступали по преимуществу

кочевые народности. Особенно четко прослеживался этот рубеж в мусульманский период истории Индии.

Но и в территориальных рамках данной зоны соотношение кочевого скотоводства и оседлого земледелия, будучи подвержено действию комплекса сложных факторов, не оставалось неизменным. При этом периоды подъема кочевого хозяйства относились не только к далекому прошлому — они отмечены даже в XVIII в. Так, в Синде бесконечные военные набеги белуджей и вторжения афганских войск (они тоже следовали одно за одним — в 1779, 1781, 1783, 1786, 1794, 1808 гг.), феодальная анархия и разрушения ирригационных систем привели к резкому уменьшению площади обрабатываемых земель — приблизительно с 850 тыс. га в середине 50-х годов XVIII в. до 240 тыс. га к концу столетия, а также к упадку городов и сокращению торговли [2, 122]. В результате в местной экономике заметно окрепли позиции кочевого и полукочевого скотоводства. Видимо, этими изменениями в хозяйственной сфере объясняется и политическое возвышение знати белуджских племен, которая в конце XVIII в. сумела захватить верховную государственную власть в Синде.

На протяжении XIX и XX вв., однако, на северо-западе субконтинента, под воздействием прежде всего общих социально-экономических причин и в непосредственной связи с происшедшей в стране централизацией политической власти, наблюдалось постепенное ослабление роли номадизма. Усиливалась тенденция перехода мигрирующего населения к оседлости. К сожалению, имеющиеся статистические материалы слишком скудны, чтобы позволить в полной мере охарактеризовать процесс седентаризации.

Все же данные переписей населения по Белуджистану подтверждают, что кочевое скотоводство медленно вытеснялось земледелием как более надежным источником существования: в 1911 г. оседлое население составляло здесь 54,3%, в 1921 г. — 59,9, а в 1931 г. — 62,7%. Возможно, что оседание шло быстрее, чем отражают приведенные цифры, так как улучшение от ценза к цензу статистического учета проявлялось в первую очередь в более полном охвате подвижной части населения. Тяга к оседлому образу жизни свойственна всем важнейшим этническим группам Белуджистана; особенно она выражена у белуджей, менее ярко проявляется у брагуи и пуштунов.

В начале 30-х годов XX в. отмечалось, что кочевое и полукочевое хозяйство оставалось в Белуджистане преобладающим лишь там, где земледелие или очень затруднено, или совсем невозможно вследствие захвата всех земель, годных под пашню, верхушкой ранее осевших племен, а также помещиками и ростовщиками. Само же массовое стремление к сочетанию скотоводства с земледелием представлялось очевидным и не вызывало сомнений [6, 88]. Последующие переписи населения провинции не содержат интересующих нас сведений, но приведенные в них косвенные данные свидетельствуют о продолжающемся процессе оседания: так, за 1931—1951 гг. численность скотоводов в Белуджистане увеличилась на 11%, тогда как все его население выросло почти на треть [14, табл. 11—15].

Общее число кочевников и полукочевников в Южной Азии остается практически величиной неизвестной. Трудность оценки усиливается, во-первых, из-за сезонных миграций номадов через государственные границы, в результате чего в зимние месяцы их насчитывается в пределах Пакистана значительно больше, чем летом, и, во-вторых, из-за сезонных перемещений крестьян-земледельцев, что усложняет их обособление от полукочевников на территориях с развитым пастбищным скотоводством. Пуштуны, например, часто имеют пашню в разных местах.

На лето они перебираются ближе к обрабатываемым участкам в горах, где строят временные хижины, в которых и живут до окончания жатвы, осенью же возвращаются в долину, где находятся их постоянные, зимние жилища. С собой в горы в подобных случаях пуштуны забирают весь скот, и, таким образом, на летнее время долинные селения остаются покинутыми.

В целом для Южной Азии численность кочевников можно определить более чем в 1 млн. человек. Обращает внимание богатство форм, свойственных кочевому хозяйству субконтинента, — от чистого номадизма, когда скотоводы совершенно не владеют пахотными землями, до стадий, непосредственно предшествующих окончательному переходу к оседлости. Характер миграций также отличается большим разнообразием: пуштуны-повинда, прибывающие на зимние пастбища Индской равнины из Афганистана, проделывают путь протяженностью до 1,5 тыс. км, тогда как в Раджастане перегоны скота нередко ограничены радиусом 10—20 км. При этом повинда кочуют большими караванами, тогда как другие, в частности белуджи и брагуи, передвигаются в поисках пастбищ преимущественно мелкими группами.

Меньшинство кочевников перемещается только между равнинными пастбищными участками, остальные же используют вертикальную компоненту, поднимаясь к лету в горы и спускаясь к зиме в низины. Подобный тип миграций отчетливо прослеживается в Белуджистане, где весной и осенью создается впечатление, что все жители находятся на марше. Брагуи из центральных районов Белуджистана, или брагуи сараванские, совершают осенью отход через Боланский перевал на низменность Каччи, чтобы избежать суровой зимы (в Калате на высоте 2150 м зарегистрированы морозы до $-21,3^{\circ}$); в трудные годы они появляются и в Сийде. На лето же сараванские брагуи, спасаясь от жары, достигающей в родных котловинах $+40^{\circ}$ и более, движутся высоко в горы Центрального Брагуи.

Джалаванские брагуи, расселенные южнее, устремляются осенью по многочисленным проходам через хребет Киртхар на равнину Синда. Зажиточные скотоводы владеют плодородными участками пашни в долинах и на низменностях, но остальным приходится совмещать выпас скота с работой по найму у синдских помещиков. Однако отнюдь не все скотоводы-брагуи (причем это относится к представителям обеих ветвей — и джалаванской, и сараванской) откочевывают на зиму далеко; многие группы базируются на местные пастбища, переходя из одной долины в другую, по мере потепления смещаясь в горы. Ограниченны по протяженности и миграции белуджей. Они кочуют близ оазисов, которые служат центрами племенных поселений и резиденциями племенных вождей, и лишь на жаркий сезон отгоняют скот на высокие пастбища Северного Белуджистана [13, 36—37; 12, 1; 7, 24].

Различие природных условий, в которых протекают миграции тех или иных этнических групп, и культурно-хозяйственные традиции населения относятся к числу важнейших причин, определяющих состав и своеобразие структуры стада у тех или иных кочевых народностей. Преимущественное значение у большинства из них имеет мелкий рогатый скот (в особенности овцы), который дает разнообразную продукцию — как потребительскую, так и товарную. Но у гуджаров, проводящих зиму у подножий Сиваликских гор, а на летодвигающихся на альпийские пастбища в Гималаи, главное животное — буйвол, у банджара, которые кочуют по Раджастану, — вол, широко используемый в транспортных целях, а кочевников брагуи и белуджей трудно представить без верблюда. Мнение, что именно скотоводы из числа брагуи и белуджей, возможно, первые занялись разведением верблюдов в пу-

стыне [16, 193], достаточно показательно, даже в том случае, если оно и ошибочно.

Скот у кочевников, как известно, неприхотлив, непритязателен, способен переносить трудности длительных перегонов и нередко выпадающее на его долю голодание. Типичны, например, овцы породы балучи — очень выносливые, пригодные как к пастбищному, так и стойловому содержанию. Вес балучи достигает 40 кг, в день она дает 1,5—2 л молока, но ее шерсть грубая, с большой примесью мертвого волоса, и используется на месте для изготовления кошм, веревок, мешков [28, 607]. В условиях Пакистана, несмотря на низкую продуктивность, при даровых кормах экстенсивное животноводство вполне оправдывает себя экономически. Шерсть, овчины, кожи и другие товары кочевого хозяйства составляют важную часть экспорта страны.

Конкретные географические примеры. Рассмотрим детальнее некоторые типы кочевого хозяйства, которые нагляднее покажут всю сложность и многообразие кочевничества в Южной Азии.

Белуджи-марри, расселенные на крайнем юго-востоке Белуджистана, обладают сбалансированной экономикой, направленной на максимально полную утилизацию скудных природных ресурсов ареала обитания [11; 26; 35]. Племенная территория марри включает расположенные на высотах 700—1000 м сухие широкие долины, разделенные труднопроходимыми горными цепями, которые на севере достигают 3 тыс. м. Дождей выпадает 75—125 мм в низинах и до 300 мм в горах, но они очень неустойчивы год от года и от места к месту. Скрамные осадки обуславливают бедность растительного покрова. Лишь кое-где вдоль речных русел и по горным склонам встречаются заросли колючих кустарников и рощицы карликовой пальмы.

Часть марри ведет оседлый или очень близкий к нему образ жизни в деревнях, занимаясь поливным земледелием при помощи кяризов, колодцев, родников или лиманного орошения и богарным полеводством в расчете на удачный дождливый сезон. Другая часть марри сочетает животноводство с земледелием и по крайней мере несколько месяцев в году живет мелкими группами в шатрах, мигрируя поблизости от деревни и прилежащих к ней обрабатываемых участков. Когда же в стаде у одного хозяина становится более ста животных, агрикультура и промыслы (сбор меда и диких плодов, заготовка топлива и др.) теряют свою былую ценность, и пастбищное скотоводство выходит на первый план.

Разнообразие занятий у марри определяется в большей мере широким набором видов домашних животных. Важнейшие среди них в кочевом хозяйстве — овцы и козы, продукция которых (шерсть и мясо) в первую очередь идет на продажу. Для перевозки тяжестей используют ослов, верблюдов, а также крупный рогатый скот (хотя преимущественно он работает на полях). В престижных целях содержат верховых лошадей. Каждый член племени марри обладает формальным правом свободного выпаса скота на племенной территории.

Наиболее примечательна у марри разная география кочеваний для отдельных социальных групп, что создает сложный миграционный рисунок. Остро стоит у местных скотоводов, видимо, проблема обеспечения их летними пастбищами, поскольку именно для летнего сезона отмечены особенно интенсивные миграции. Богатые кочевники, имеющие много скота и не заинтересованные в земледелии, движутся на север, в ареал расселения оседлых пуштунских племен — какаров и луни. Последние, будучи оседлыми землепашцами, сами не используют принадлежащие им горные пастбища. Зимой на них содержат свои стада повинда, приходящие из Афганистана, летом же — марри, которые вно-

сят определенную плату за пользование этими пастбищами. Несмотря на ее довольно высокий размер (минимально — одна голова с 25 выпасаемых животных), богатым скотоводам марри более выгодно пригонять стада на малозагруженные пуштунские угодья, отличающиеся высокими кормовыми достоинствами, чем оставаться в пределах своей племенной территории, где пастбища явно перегружены.

Бедняки, стремящиеся «продать» прежде всего свои рабочие руки, направляются на Индскую равнину, где в конце весны и летом можно наняться на уборку урожая и на ремонт ирригационной сети. Свой малочисленный скот они выпасают по стерне: поиндские крестьяне не обладают достаточным поголовьем, чтобы полностью использовать жнивье как пастбищное угодье, и поэтому охотно разрешают выпас пригоняемого марри скота на своих полях с целью их удобрения. Полевые работы на равнине совпадают по времени с земледельческой активностью в ареале обитания марри, и потому на заработки уходят именно беднейшие скотоводы, которые не располагают зерном и другими ресурсами для проведения сева на своей земле.

Средние по зажиточности марри на лето перемещаются с северных и южных окраин своей племенной территории в центральные долины, где выпадает больше осадков, чтобы заняться здесь земледелием в сочетании с выпасом скота на окрестных склонах. Местные пастбища перегружены и истощены, так как «средний» марри стремится по возможности не слишком удаляться от своих посевов. Таким образом, летом у марри отсутствует движение лишь непосредственно на юг — там живут враждующие с ними белуджи-бугти, имеющие аналогичный тип хозяйства, который не допускает сотрудничества с марри в использовании природных ресурсов территории.

В последние десятилетия марри постепенно несколько продвинули границу ареала своего расселения далее на север за счет пуштунских земель. Частично это связано, видимо, с сокращением притока повинда на зиму в Пакистан, так как силой потеснить их сплоченные отряды вряд ли бы марри удалось. Однако численность марри за сто лет, с 1850 по 1950 г., увеличилась, как полагают, в 3 раза — с 20 тыс. до 60 тыс. человек [11, 18], и отмеченный небольшой прирост территории не снимает проблем, вытекающих из растущей плотности населения (ныне около 6 чел./км²). Они решаются прежде всего путем расширения запашки, но это суживает возможности для ведения экстенсивного животноводства и для отходничества.

Кочевники-повинда чаще рассматриваются на афганском фоне, но им принадлежит видное место и в экономической жизни Пакистана. Под названием «повинда» объединяют ряд скотоводческих пуштунских племен, прежде всего из племенных групп лохани и гильзай, которые занимаются также транзитной торговлей. Их большие вооруженные караваны осенью отправляются с афганскими товарами на равнину Инда (а в прошлом и далее на юг), а весной возвращаются в Афганистан, закупив мануфактуру, разные промышленные изделия, пряности и т. п. Выделение повинда произошло уже в XIII—XIV вв., когда они стали обслуживать караванные пути, ведущие из Индии в Персию и Среднюю Азию.

В начале осени повинда собираются на плато в районе Газни (Южный Афганистан). Хели и племена повинда, часто враждующие между собой и потому избегающие друг друга на марше, спускаются с нагорий в определенном порядке, закрепленном вековыми обычаями: часть отрядов повинда движется в полном составе — с семьями, часть состоит только из мужчин, оставивших женщин и детей где-то по дороге. Крупные караваны повинда насчитывают по несколько тысяч чело-

век. Включающие нескончаемые вереницы верблюдов, ослов, а также крупного рогатого скота, овец и коз, эти караваны находились под тщательной вооруженной охраной. Меры защиты раньше были необходимы, так как путь к равнине Инда проходил через малоплодородную страну воинственных вазиров, постоянно совершавших нападения на богатые торговые караваны.

Главный путь повинда пролегает по Гумальской долине, выводящей к Инду у г. Дераисмаилхана. Во второй половине XIX в. ежегодно по нему следовали в одном направлении по несколько десятков тысяч кочевников-скотоводов, купцов и воинов и до 70 тыс. груженных верблюдов [29, 397]. Зимние стоянки всегда располагались около источников воды, которые в дальнейшем стали использоваться и для орошения. На предгорной равнине по правобережью Инда в округе Дераисмаилхан—Дамане повинда удалось также захватить много пахотной земли. Здесь они устраивали свои укрепленные зимние становища (кирри), которые одновременно служили складами товаров. Со временем некоторые кирри превратились в города; таково, например, происхождение г. Кулачи [3, 194; 8, 58]. Повинда, пришедшие с караванами, но без семей, обычно не имеют фиксированных лагерных стоянок.

Из центров своего сосредоточения в Дамане и Восточном Белуджистане (район Эхоб-Лоралай) часть кочевников-мужчин, оставив членов семей со стадами под охраной в местах зимних пастбищ, растекается более мелкими группами по близлежащим долинам и Индской равнине вплоть до Синда, чтобы найти работу или продать свои товары. Крупные рынки скота, возникшие в Синде на границе пустыни и оазисов, прежде всего в Джакобабаде и на низменностях Качхи, в большой мере обязаны своими операциями именно повинда [27, 315], хотя, конечно, много скота пригоняется на продажу и «собственными» кочевниками из Белуджистана. В январе—феврале здесь организуются знаменитые на всю страну ярмарки скота. В последующие месяцы повинда, вновь собравшись в караваны, по традиционным маршрутам возвращаются в пределы Афганистана.

В конце прошлого столетия торговля повинда начала приходить в упадок. Этот процесс вызывался многими причинами, в числе которых—ускорившееся оседание пуштунов в Северо-Западной пограничной провинции и увеличение распаханности ее территории, что усилило противоречия между местными пуштунскими племенами и повинда, повышение налогов за пользование пастбищами и, наконец, растущая конкуренция современных видов транспорта, в результате чего некоторые племенные подразделения повинда вынуждены были оставить торговую деятельность.

После образования Пакистана условия для перехода кочевников из одного государства в другое еще более усложнились. Напряженные политические отношения между соседними странами периодами приводили к официальному закрытию границы, как это было в зиму 1961/62 г. И все же по настоящее время через Гумаль, Куррам, Хайбер, Точи и сотни менее известных проходов и перевалов многие тысячи повинда каждой осенью снова приходят на территорию Пакистана. Перепись населения 1961 г. зарегистрировала в стране более 70 тыс. афганцев-повинда, но, конечно, она не могла учесть всех прибывших кочевников. Ориентировочно численность повинда в Пакистане выражается цифрой 100—300 тыс. человек [37, 117].

В последние десятилетия среди повинда нарастают имущественное неравенство и экономическая дифференциация. Некоторые племенные группы сумели приспособиться к изменившимся условиям и, накопив денежные средства, пересели на грузовики и почти целиком переключились

чились на торговлю. Поскольку в Афганистане норма прибыли в сфере обращения еще во много раз больше нормы прибыли в сфере производства [5, 5], для этой части повинда скотоводство становится второстепенным занятием. Но вывоз кочевниками товаров в Пакистан все более сводится к грубовыделанным шкурам и дровам, и постепенно торговцы-повинда переключаются с внешнего рынка на преимущественное обслуживание столичного Кабульского района. На территории же Пакистана повинда сосредоточиваются ныне преимущественно в Восточном Белуджистане, глубинные местности которого лежат еще в стороне от дорог и не обеспечены современными видами транспорта; по переписи 1961 г., в административной области Кветта насчитывалось 26,9 тыс. афганцев-повинда, тогда как в области Дераисмаилхан, включающей Даман, — только 10,4 тыс. человек.

Некоторые богатые повинда выступают в роли ростовщиков, предоставляя пакистанским крестьянам небольшие ссуды под очень высокий процент. Но основная масса мигрирующих в Пакистан кочевников — настоящие бедняки; по сравнению с их стоянками «даже бивуаки цыган в средневековой Европе не выглядели так бедно» [38, 119]. Эта часть повинда ходит по деревням, где нанимается на уборочные и другие полевые работы за скромную плату натурой, включающей корм для их немногочисленных животных. На долю повинда, которые уже совсем лишились скота, выпадает самый тяжелый, неквалифицированный труд: строительство дорог, рытье арыков, работа в карьерах и т. п.

Передвижение кочевников через государственные границы не встречает одобрения властей по обе их стороны. При таком положении дел неизбежно встают или должны возникнуть вопросы подданства, налогообложения, воинской повинности. Повинда фактически ведут значительную контрабандную торговлю, поскольку перевозимые ими из страны товары не облагаются таможенными пошлинами. Мигрирующие номады могут стать также переносчиками болезней; на границе Пакистана и Афганистана пришлось создать контрольные пункты с целью опрыскивания имущества кочевников инсектицидами против анофелеса и обеспечения людей противомаларийными средствами [22, 136]. Другая серьезная опасность — эпизоотии; в 1959/60 г., например, занесенная повинда эпидемия вызвала в Пакистане сильный падеж скота [10, 104]. Успех карантинных мероприятий при большой протяженности афгано-пакистанской границы и ограниченной численности медицинского и ветеринарного персонала в обеих странах не может быть полным.

Бесспорно, однако, что миграции повинда имеют и положительный экономический эффект, способствуя углублению территориального разделения труда (ибо только торговцы-кочевники добираются до многих «глухих углов»), а также лучшему использованию трудовых и естественных, прежде всего пастбищных, ресурсов. И справедливо высказывание, что необходима экономически обоснованная оценка хозяйственной деятельности повинда, прежде чем вырабатывать целесообразную политику по отношению к ним [15, 169].

В заключение обратимся к экстенсивному животноводству, базирующемуся на миграциях по горизонтали и достаточно хорошо представленному в области Тар, Раджастан.

Правда, собственно кочевое хозяйство в Раджастане развито слабо. Преимущественно представлены своеобразные формы пастбищного скотоводства. Наиболее удачное его описание дано одним из немецких географов, который с определенной долей условности, им оговариваемой, прибегает к термину «полукочевое пастбищное хозяйство» [34, 415]. Оно свойственно засушливым внутренним районам Тара, полу-

чающим 150—200 мм осадков в год. Поливное земледелие в таких условиях крайне ненадежно, и имеющиеся небольшие посевы тяготеют к низменностям, куда отводятся дождевые воды из временных потоков. Под пастбищами нередко находится свыше 90% территории.

Естественные ландшафты области Тар, именуемой обычно пустыней, можно охарактеризовать как преимущественно сухую саванну, в древесном ярусе которой почти всюду господствуют колючие деревья — мескиты и акации. Разреженный травянистый покров, образуемый в основном однолетними злаками, зеленеет в период редких ливней, приходящихся на июль — начало сентября. На песчаных дюнах доминируют пустынные типы растительности, во многом сходной с флорой курстарниковых пустынь Средней Азии [1, 28—29].

Население центральной части Тара почти целиком зависит от животноводства. Но последнее, хотя и ведется на обширных территориях, замкнуто твердыми общинными границами, а население привязано к постоянным деревням. Именно здесь расположена крупнейшая по площади община во всей Индии — Саттасар, занимающая 18,3 тыс. га [34, 415; см. также: 31; 32; этими работами, в особенности первой из них, мы ниже и пользуемся]. В пределах подобных обширных общин насчитывается лишь по несколько мелких селений. В Саттасаре, например, они объединяют суммарно около 70 дворов, которые в совокупности располагают примерно 7 тыс. голов скота. Типичное стадо «среднего» хозяина состоит, таким образом, приблизительно из сотни голов и включает обычно около 60 овец, 10—12 коз, 20—25 голов крупного рогатого скота и трех-четырех верблюдов, служащих вьючными и молочными животными.

Перегоны скота ведутся в радиусе 10 км от селений. При использовании пастбищ основная проблема — водопой. Она решается в Саттасаре за счет разбросанных по территории общины прудов, вырытых группами крестьян, которые ими распоряжаются. На прилегающие к этим водоемам пастбища в муссонные месяцы отправляются из деревень все жители со своими стадами и остаются там до осени. При прудах строятся хижины, а селения в это время года практически пустуют.

Когда в конце осени пруды пересыхают, большая часть жителей вместе с крупным рогатым скотом возвращается в деревни, а еще через месяц пригоняются также стада овец и коз. На зимние и ранневесенние месяцы скотоводы располагают только колодезной водой и близлежащими к деревне пастбищами, до того щадившимися. В октябре собирается небольшой урожай просяных и бобовых культур. В хорошие годы, когда выпадает более 200 мм осадков, среднее хозяйство засеивает 3—5 га, получая урожай по 2—3 ц/га. В засушливые годы не окупаются даже семена. Крестьяне постоянно вынуждены в значительных размерах прикупать зерно и зернобобовые.

Главная угроза местному животноводству — это опасность засухи. Как правило, в десятилетие случаются один-два сильно засушливых года, когда выгорают не только посевы, но и травы, а главное — истощаются запасы воды в колодцах и прудах. Поэтому крестьяне начинают двигаться (в первую очередь со стадами крупного рогатого скота, который наиболее страдает от засухи) на северо-запад, на расположенные примерно в 50 км государственные резервные пастбища в районе Анопгарха, близ индо-пакистанской границы. Эти пастбища в обычные годы отдыхают в продолжение двух-трех лет; при сильной засухе скот содержится на них до конца марта — начала апреля, а затем ресурсы кормов и воды исчерпываются. Животных приходится перегонять далее на 100—200 км, в орошаемые районы бассейна верхнего Ганга. Здесь

стада пасутся по стерне, а прикочевавшие скотоводы живут под открытым небом, перевоза взятое с собой имущество на верблюдах. С наступлением в пустыне Тар сезона дождей жители возвращаются в родные места с заметно поредевшими стадами: в прошлом отмечалась гибель до $\frac{3}{4}$ всего поголовья.

Вместе с тем в пределах Раджастанхана представлено и чисто кочевое население. В его число входят, в частности, скотоводы из этнической группы райка. Они широко рассеяны по пустыне Тар; в области среднего и нижнего течения Луни райка составляют почти 8% всех хозяйств. Проведенное в бассейне Луни обследование показало, что около 27% райка совсем не владеют землей [25, 221]. Таким образом, располагая значительным поголовьем овец, но преимущественно лишенные собственных пастбищных угодий, райка зависимы от крестьян, на пустующих землях которых они содержат свои отары.

Согласно исторически сложившейся в Таре практике использования пастбищных земель, последние (включая залежь и поля после снятия урожая) открыты для выпаса скота, принадлежащего любому из крестьян или скотоводов. Развитие земледелия в Раджастанхана (увеличение площади пахотных земель за 1951/52—1965/66 гг. на 41%) и сокращение сроков перелога тяжело отразились на экономике райка. Они вынуждены или совершать дополнительные переходы в поисках свободных кормовых угодий, что отрицательно сказывается на показателях овцеводства, или уменьшить поголовье. Часть райка уже забросила традиционное занятие и перешла к продаже по найму своей рабочей силы.

О перспективах эволюции кочевого хозяйства на субконтиненте. Многообразные процессы, вызывающие кризис кочевого скотоводства, которые свойственны всему ариднему афро-азиатскому поясу, достаточно отчетливо выражены и в Южной Азии. В то же время своеобразии отдельных категорий и групп номадов в зависимости от всего комплекса их хозяйственной деятельности и природно-экономических особенностей тех местностей, где совершаются миграции, требует учета конкретных ситуаций. Мы видим, что разные причины обуславливают те трудности, которые испытывает ныне кочевое хозяйство в тех или иных географических районах субконтинента: рост численности скотоводческого населения, не «умещающегося» в границах исконной племенной территории; модернизация в сфере транспорта и торговли; давление оседлого населения, связанное с увеличением запасов, и т. д.

Реакция скотоводов на отмеченные процессы тоже не является одинаковой: помимо перехода на оседлость, она включает смещение акцентов в экономической активности и поиск новых занятий, совместимых с подвижным образом жизни, изменение миграционных маршрутов и даже усиление черт номадизма, как это наблюдается в пустыне Тар, откуда участились отгоны скота на дальние расстояния в Пенджаб и Хариану. Поэтому попытка трактовать кочевников как верхнее, завершающее звено природного биоценоза [4, 27] представляется слишком огрубленной, недостаточно учитывающей возможность маневра внутри скотоводческого хозяйства.

Оценить ближайшие перспективы и тенденции развития номадизма в Южной Азии весьма сложно. По кочевому хозяйству региона велись лишь немногочисленные разрозненные исследования; особенно же слабо изучены пастбища — естественная основа экстенсивного животноводства. Правда, в Индии в последние годы постановка дела улучшилась благодаря работе Центрального института аридной зоны Индии (в г. Джодхпуре, Раджастанхана), но срок его деятельности еще не позволяет обоснованно судить о долговременных процессах.

Можно полагать, что наиболее трудное положение в регионе складывается у скотоводов равнинных областей, испытывающих острую конкуренцию со стороны земледельческого населения.

Прежде всего кочевое хозяйство не исчерпало еще свои потенции в Пакистане; многие районы страны (в первую очередь расположенные в горном поясе) по-прежнему характеризуются слабой освоенностью и отличаются низкой плотностью населения. Их ограниченные природные ресурсы не позволяют надеяться на широкую аграрную колонизацию в скором будущем. Следует согласиться, что экстенсивное скотоводство с сезонными перегонами стада остается для аридных горных районов экономически наиболее оправданной отраслью [15, 169]. Вероятно, приток повинда в Пакистан с течением времени будет и далее сокращаться, а это открывает дополнительные возможности для местных кочевников.

Продолжающаяся распашка зимних пастбищ в бассейне Инда, конечно, усиливает существующие диспропорции в обеспечении скота номадов кормами по сезонам; но частично избытки компенсируются выпасом по стерне и закупками фуража в поливных хозяйствах в обмен на продажу рабочих рук. Поскольку именно использование в течение года различных природных ареалов обуславливает целесообразность ведения кочевого скотоводства, предохранение от распашки части пастбищных угодий на Индской равнине представляется актуальной задачей; в противном случае из оборота могут выпасть и летние пастбища, не имеющие зимнего «эквивалента». Но угрозу не нужно, видимо, и преувеличивать: для полного освоения имеющихся в бассейне Инда (на территории Пакистана) пахотнопригодных массивов требуется в 2,7 раза больше воды, чем ее можно получить даже при полном урегулировании стока пакистанских рек [21, 175—178].

Пожалуй, более существенно то, что значительная доля зимних пастбищ (в частности, в пустынях Тхал и Пат) сильно выбита и подвержена энергичной эрозии. Поэтому их предлагали даже закрыть для использования. Немногие имеющиеся по Пакистану примеры [20, 361] свидетельствуют, что кормовая ценность семиаридных земель может быть заметно повышена периодическим или сезонным их изъятием из оборота с последующим контролем за интенсивностью выпаса. Но вряд ли страна располагает в настоящее время достаточными возможностями для проведения в жизнь подобных мероприятий.

В Индии номады пустыни Тар принуждены сталкиваться с еще более сложными проблемами. С ростом земледельческого населения под плуг идут даже маргинальные земли, приносящие нередко лишь один урожай в пять лет, хотя с экономической точки зрения их выгоднее оставлять под пастбищами или отводить под кормовые культуры. Численность поголовья скота тоже увеличивается, поэтому нагрузка на пастбищные угодья постепенно повышается как бы с обоих концов: в засушливой, северо-западной части Раджастанха из-за расширения пахотного клина площадь пастбищ сократилась за 1951—1961 гг. с 13,1 млн. до 11,0 млн. га, а поголовье содержащихся на них животных увеличилось за то же десятилетие с 9,4 млн. до 14,4 млн. [24, 250].

Уже давно в Таре отмечено нарушение экологического равновесия. Часть земель вышла из строя вследствие ветровой эрозии и образования песчаных дюн, засоления и заболачивания низколежащих поливных участков, разрушения растительного покрова. Это, в свою очередь, заставляет (с все меньшим экономическим эффектом) интенсифицировать производство на остающихся площадях и в конечном счете отрицательно отражается на наиболее отвечающей местным условиям отрасли — пастбищном скотоводстве. Показателен вывод: «В Западном

Раджастхане деградация пастбищных ресурсов столь заметна, что ставит главную отрасль хозяйства — животноводство — под угрозу» [17, 24].

В Индии весьма популярны воззрения — они нашли отражение даже в материалах первого пятилетнего плана страны — об антропогенном происхождении пустыни Тар, а также о наступлении пустыни, со средней скоростью около 0,8 км в год, на северо-восток — в сторону плодородной равнины Ганга [см. 23, 238—239; 33, 18—24]. Против подобных взглядов выдвинуты весьма серьезные, по нашему мнению, возражения, базирующиеся на привлечении широкого круга данных и наблюдений: климатических, геоморфологических, почвенных, археологических и др. [36, 331—334], так что ситуация, возможно, излишне драматизируется.

Но независимо от справедливости тех или иных научных теорий общепризнано, что область Тар нуждается в комплексе мероприятий, направленных на преодоление разрушительных антропогенных влияний, связанных с избыточным и бесконтрольным выпасом скота и вырубкой древесно-кустарниковой растительности. Немногие исследования, проведенные Центральным институтом аридной зоны, показали, что окультуривание пастбищ позволяет повысить сбор зеленой массы в несколько раз. Так, экономические оценки ряда мелиоративных приемов дали весьма обнадеживающие результаты: соотношение затрат к стоимости дополнительно полученной продукции кормов составило 1:3,5 при принятом сроке окупаемости в 20 лет [24, 254; 19, 15]. Справедливости ради надо отметить, что экономический эффект большинства ранее проведенных экспериментальных мелиораций был гораздо ниже.

В оптимизации нуждается отраслевая структура стада. Интересы потребительского хозяйства заставляют скотоводов содержать разные виды домашнего скота. Между тем на местных пастбищах, особенно в аридной части Раджастхана, получающей до 350—400 мм в год, экономически оправдана специализация на овцеводстве (см. расчеты = [39, 293]). Овца, требующая в 6 раз меньше пастбищ, чем нужно одной голове крупного рогатого скота, значительно лучше переносит засуху. Но в том же источнике отмечено, что заставить население увеличить в стаде долю овец за счет крупного рогатого скота окажется долгосрочной задачей.

Номады аридной зоны Индии в прошлом тоже широко прибегали к дополнительным занятиям (торговле, транспортировке грузов, производству кустарных изделий) и имели устойчивые хозяйственные связи с оседлым населением. Но с развитием сети путей сообщения их теснят городские купцы, все глубже проникающие в раджастханскую деревню, и крестьянство становится менее заинтересованным в услугах и товарах кочевников.

Обследование кочевников-банджара [32], занятых преимущественно продажей по деревням соли с государственной солеварни Пачпадра, показало, что они выдерживают конкуренцию грузового транспорта только ввиду отсутствия автодороги, подводящей непосредственно к солеварне, и то лишь в радиусе примерно 100 км от последней. Но и в этой округе всего 15% оседлых жителей покупают соль у банджара, и только 31% высказался в пользу их посещений. Любопытна статистика причин, выдвинутых остальными сельскими жителями в объяснение их отрицательного отношения к визитам банджара в местные деревни: скот кочевников травит посевы — 80%, истощает местные пастбищные ресурсы — 79, ухудшает положение с водными ресурсами — 36, распространяет болезни — 10% и т. д. (сумма превышает 100%, поскольку дозволялось указывать несколько причин).

Доходы банджара очень низки, примерно треть их находится в долговой кабале у ростовщиков. Неудивительно, что при опросе большинство банджара высказалось в пользу перехода на оседлость, хотя огромный перевес, полученный этим большинством, все же представляется сомнительным; требуется анализ условий проведения опроса и знание формулировки вопросов, чтобы судить о достоверности пропорций. Все банджара желают осесть в сельской местности, а не искать работы в городах, и сохранить возможность заниматься скотоводством. У них отчетливо проявляется свойственное кочевникам стремление к оседанию родовыми группами.

Индийское правительство поощряет процесс седентаризации nomadов. Банджара, в частности, выделялись земли для организации на них сельскохозяйственных кооперативов, которые объединяют членов родовых групп, и предоставлялись ссуды и субсидии на строительство домов, сооружение водоемов, обзаведение овцами и покупку племенного быка. За ними даже сохраняется разрешение на торговлю солью. Меры, направленные на ускорение оседания, осуществляются и в Пакистане, где кочевники расселяются на новоорошенных государственных землях. Но размах всех этих мероприятий в обеих странах невелик, и в основном оседание кочевников происходит стихийным путем.

В процессе оседания кочевого населения важной задачей остается сочетание земледелия с экстенсивным скотоводством, чтобы не оставить вне использования ценные пастбищные угодья. Далеко не везде эта задача решается без трудностей. Так, исследование в Мавритании свидетельствует, в частности, о том, что единственный тип хозяйства, приспособленный к природным условиям сахельской зоны,— это кочевое скотоводство небольшими группами. Вокруг оседлых поселений, где возрастает концентрация людей и скота на единицу площади, развиваются процессы опустынивания [18, 3—12]. Между тем Западный Раджастхан, по растительности представляющий собой переходную зону от пояса саванн к поясу пустынь, является в определенном отношении аналогом сахельской зоны Африки. В травянистом покрове субсахельских акациевых саванн, широко распространенных на границе Сахары и Судана, господствуют не только те же роды, но часто даже те же виды, что и в мескитовых саваннах Индии [1, 29—30]. Можно предполагать, что во многом сходны и проблемы, связанные с хозяйственным использованием этих территорий, и опасности, подстерегающие человека при интенсивном их освоении. Поэтому встает вопрос об организации отгонного животноводства как формы, более отвечающей требованиям современного социально-экономического развития.

В советских республиках Востока были найдены удачные, полностью себя оправдавшие методы сохранения экстенсивного пастбищного скотоводства как отрасли производства при одновременном переводе трудящегося кочевого населения на оседлость. Этот процесс сочетался с существенными изменениями быта и материальной культуры. В среднеазиатских пустынях СССР исчезли кочевья и становища и возникли постоянные населенные пункты с домами современного типа, клубами, школами, лечебными учреждениями, обслуживаемые автомобильным транспортом, а в отдельных случаях и авиацией. Животноводы только периодически покидают свои поселения, сохраняя с ними и своими семьями устойчивые связи. Таким образом, скотоводы по условиям материального быта и социально-культурного обслуживания все более сближаются с земледельцами оазисов. Изменились условия жизни и работы и на самих пастбищных станах. Внедрение новых технических средств для обеспечения водопоя скота, заготовки и создания стра-

ховых запасов кормов для внутрихозяйственных перевозок облегчило труд животноводов, сделало его более производительным и резко уменьшило зависимость отрасли от неблагоприятных природных явлений.

Исторический опыт среднеазиатских республик Советского Союза по трансформации бывшего кочевого хозяйства представляет в настоящее время значительный научный и практический интерес для развивающихся стран, строящих свою независимую национальную экономику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Благовещенский Э. Н. Сухие саванны Северо-Западной Индии,— «Проблемы освоения пустынь», 1967, № 1.
2. Ганковский Ю. В. Народы Пакистана (Основные этапы этнической истории), М., 1964.
3. Гордон Л. Р. Аграрные отношения в Северо-западной пограничной провинции Индии (1914—1947), М., 1953.
4. Гумилев Л. Н. Понски вымышленного царства (Легенда о «государстве пресвитера Иоанна»), М., 1970.
5. Гуревич Н. М. Очерк истории торгового капитала в Афганистане, М., 1967.
6. Маздур И. Аграрный вопрос и крестьянское движение на Северо-Западе Индии (Пограничная провинция и Белуджистан), М., 1933.
7. Пикунин М. Г. Белуджи, М., 1959.
8. Рейснер И. М. Развитие феодализма и образование государства у афганцев, М., 1954.
9. Спейт О. Х. К. Индия и Пакистан, М., 1957.
10. Яковлев М. Аграрный Пакистан, М., 1968.
11. Barth F. Competition and Symbiosis in North East Baluchistan,— «Folk», 1964, vol. 6, № 1.
12. Brau D. The Brahui Problem, Delhi, 1934.
13. «Census of India, 1921», vol. IV, Baluchistan, pt I.
14. «Census of Pakistan, 1951», vol. II, Baluchistan.
15. Choudhri I. I. Future of Arid Regions of West Pakistan,— «Pakistan Journal of Forestry», 1966, vol. 26, № 2.
16. Соон С. S. Caravan. The Story of the Middle East, New York, 1951.
17. Das R. B. Grazing Capacity Studies in Grasslands of Western Rajasthan,— «Annals of Arid Zone», 1963, vol. 2, № 1.
18. Daveau S. Vie pastorale, vie urbaine et végétation en Mauritanie sahéenne,— «Geographica», 1967, vol. 3, № 9.
19. Desert Reclamation in Rajasthan,— «Asia and Africa Review», 1968, vol. 8, № 8.
20. FAO Staff. Nomadic Pastoralism as a Method of Land Use,— «Arid Zone Research», vol. XVIII, Paris, 1962.
21. «First Five Year Plan 1956—1960», vol. II, Karachi, 1956.
22. Fisher L. Nomaden und Tropenkrankheiten,— «Nomadismus als Entwicklungsproblem», Bielefeld, 1969.
23. Jodha N. S. The Scarcity-Oriented Growth Pattern of Arid Agriculture,— «Indian Journal of Agriculture Economics», 1966, vol. 21, № 4.
24. Jodha N. S. Cost-Benefit Analysis of Pasture Improvement in the Arid Regions of Rajasthan,— «Annals of Arid Zone», 1968, vol. 7, № 2.
25. Jodha N. S. Agricultural Development and Problems of Nomadic Tribals in Rajasthan Desert,— «Indian Journal of Agricultural Economics», 1970, vol. 25, № 3.
26. Johnson D. L. The Nature of Nomadism: a Comparative Study of Pastoral Migrations in Southwestern Asia and Northern Africa, Chicago, 1969.
27. Krebs N. Vorderindien und Ceylon, Stuttgart, 1939.
28. Lall H. Some Common Breeds of Indian Sheep,— «Indian Farming», 1947, vol. 8, № 12.
29. McMahon H. The Southern Borderlands of Afghanistan,— «Geographical Journal», 1897, vol. 9, № 4.
30. Malhotra S. P., Bharara L. P. & Joshi P. L. Impact of Land, Water and Vegetation Resources on the Economy of the Cattle Breeders of a Desert Village,— «Annals of Arid Zone», 1966, vol. 5, № 2.
31. Malhotra S. P., Bharara L. P. & Joshi P. L. Comparative Socio-Economic Factors of Inhabitants of Anupgarh-Pugal Region and in Luni Basin of Western Rajasthan,— «Annals of Arid Zone», 1967, vol. 6, № 2.

32. Malhotra S. P. & Bose A. B. Problems of Rehabilitation of Nomadic Banjaras in Western Rajasthan,—«Annals of Arid Zone», 1963, vol. 2, № 1.
33. Misra D. K., Prasad R. & Bhan S. Reclamation of the Rajputana Desert,—«World Crops», 1968, vol. 20, № 3.
34. Nitz H. Ju, Regionale Formen der Viehwirtschaft zwischen der Thar und dem oberen Ganges,—«Geographische Rundschau», 1968, Bd 20, № 11.
35. Pherson R. N. The Social Organization of the Marri Baluch, New York, 1966.
36. Roy B. B. & Pandey S. Expansion or Contraction of the Great Indian Desert,—«Proceedings of the Indian Natural Sciences Academy», 1970, vol. 36, № 5.
37. Spain J. W. The Way of the Pathans, London, 1962.
38. Spain J. W. People of the Khyber. The Pathans of Pakistan, New York, 1963.
39. «Techno-economic Survey of Rajasthan», New Delhi, 1963.